

ЭНТОНИ ГИЛБЕРТ

Энтони Гилберт – (настоящее имя – Люси Беатрис Мелдон, 1899 – 1973) – известная английская писательница, наследница литературных традиций Диккенса и Коллинза, основательница «Британского детективного клуба».

Ее роман «Не входи в эту дверь!» был включен в легендарную «Библиотеку классического детектива» Борхесом и Касаресом. Особое место в творчестве Энтони Гилберт занимает сериал о расследованиях адвоката и талантливого частного детектива Артура Крука.

АНТОНИ ГИЛБЕРТ

УБИЙСТВО
НА БРЕНДОН-СТРИТ

.....

ВЫЖИТЬ
ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Г47

Серия «Золотой век английского детектива»

Anthony Gilbert

THE CASE OF THE TEA-COSY'S AUNT
THE MOUSE WHO WOULDN'T PLAY BALL

Перевод с английского
С. Алукард («Убийство на Брендон-стрит»),
И. Моничева («Выжить тридцать дней»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

Гилберт, Энтони.
Г47 Убийство на Брендон-стрит. Выжить тридцать дней :
[сборник] / Энтони Гилберт ; [пер. с англ. С. Алукард,
И. Моничева]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
512 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-107169-1

1940 год, немецкие самолеты бомбят Лондон, в городе введено затмение — удачное время для убийцы богатой пожилой дамы, чтобы буквально раствориться в темноте...

Но кто этот убийца? Помешанный на мистике племянник? Родственница убитой, жившая в доме на правах компаньонки? Экономка, души не чающая в хозяйке? Или ее молодой квартирант с крайне загадочной биографией?

Артур Крук начинает расследование...

Эверард Хоуп умер в собственном доме при весьма подозрительных обстоятельствах. Теперь родственники покойного жаждут получить его наследство, однако Эверард решил перед смертью жестоко пошутить: все его солидное состояние отойдет дальней кухне Дороти Кэппер... с условием, что она останется в живых в течение тридцати дней после оглашения завещания.

С этой минуты покушения на несчастную женщину следуют одно за другим. И Артуру Круку приходится не только искать убийцу, но и защищать ни в чем не повинную Дороти от разгневанных кузенов Эверарда Хоупа...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107169-1

© The Beneficiaries of the Estate of Lucy Malleon,
1942, 1943
© Перевод. И. Моничев, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

УБИЙСТВО
НА БРЕНДОН-СТРИТ

Глава 1

*И многих взломщиков вернул я
Друзьям их и родным.*

Гилберт

I

Летом 1940 года самолеты «Люфтваффе» бомбили Лондон. Одна бомба упала в районе Эрлс-Корт, неподалеку от дома номер 1 на Брендон-стрит, где в просторной квартире жил известный адвокат мистер Артур Крук. Увидев повсюду груды обломков, битого стекла и щебня, перегородивших дорогу и оборвавших телефонные провода, обитательница нижнего этажа поспешно собрала свои вещи и уехала из города. Съемщица квартиры номер 2 с самого начала войны в Лондоне не находилась, а поскольку арендную плату полагалось вносить в любом случае, риелторы недолго раздумывали и решили сдать помещение в субаренду. Однако вызывало сомнение, сумеют ли они найти другого жильца.

Двухуровневая квартира первого этажа, состоявшая из жилых комнат и цокальных помещений, сдавалась некоей мисс Берте Симмонс Фицпатрик, державшейся особняком и сторонившейся людей. Ради спасения Отечества она присоединилась к молчаливым помощникам Черчилля и начала беспощадную охоту на вражеских шпионов, обнаруживая их, замаскированных самым невероятным образом. Мисс Фицпатрик верила премьер-министру, когда тот заявлял, что они повсюду, и она едва бы удивилась, заметив, как один из диверсантов карабкается по стене спальни. Ее реакция на бомбежки оказалась вполне ти-

пичной для жителей Лондона. Собрав все ценное для себя, она переместилась в подвал, где и жила в окружении своих вещей, словно обитательница подполья, изредка выходявшая подышать свежим воздухом. Соседи ощущали ее присутствие благодаря постоянной игре на старой фисгармонии, которую она поставила у окна, чтобы наблюдать за всеми входящими в дом и выходящими из него, стремясь, чтобы у Сатаны не нашлось работы для праздных рук.

Во время бомбежек фисгармония становилась ее единственным утешением. Она громко и пылко провозгласила:

Ближе, Господь, к Тебе,
Ближе к Тебе,
Хотя бы из-за бомбы пришлось
Подняться мне.

А пока вокруг падали бомбы и на землю с грохотом рушились огромные куски кирпичных стен, этот новый вариант старого любимого гимна повергал в ужас набожную публику и веселил мистера Крука.

— Из нее вышла бы первоклассная преступница, — уважительно замечал он, но, к сожалению, симпатия не стала взаимной. Он совершенно точно знал, что мисс Фицпатрик относится к нему с глубочайшей подозрительностью, отмечая его приходы-уходы в тетради с обложкой с мраморным узором. В ней же фиксировались все передвижения в доме и вокруг него с рассвета и до затемнения. Когда наступало время задерживать шторы и включать свет, она заканчивала свое добровольное дежурство.

Крук разговаривал с мисс Фицпатрик лишь однажды, когда она появилась на верхней ступеньке лестницы, ведущей в подвал, чтобы обозреть разрушения, которые в тот день оказались весьма значительными. Бомба разорвалась посередине находившейся неподалеку улицы, и осколки стекла и оконных рам были разбросаны вокруг. Крук приподнял свой неизменный коричневый котелок и бодрым тоном заметил:

— Прекрасная работа.

Однако мисс Фицпатрик не обратила на него ни малейшего внимания. Похожая на закутанную в шаль маленькую отшельницу с торчащими во все стороны, словно острые булавки, редкими прядками седых волос, она с подозрением разглядывала уполномоченного по противовоздушной обороне и пожарных в военной форме.

— Не мундир красит человека, — мрачно заметила она.

— Кое-кто из них без формы выглядел бы гораздо хуже, — предположил Крук.

Мисс Фицпатрик злобно взглянула на него поверх очков. Затем колючим, словно терка для мускатных орехов, голосом произнесла:

— Совершенно ясно, что кто-то сообщил им, куда бомбить.

После чего повернулась и зашаркала по ведущим в подвал ступеням к задней двери, напоминая растрепанного пингвина. Крук понял, что его подозревают в том, что он подает световые сигналы летящим в небе «Юнкерсам-88».

«Однако я никак не возьму в толк, с чего эта старуха вообразила, что мне хочется сыграть в ящик», — подумал он.

Мисс Фицпатрик расположилась у задней двери и наблюдала, как он поднимался по парадной лестнице.

— Вы живете на самом верху, — неожиданно прошептала она, как будто в темноте вдруг выстрелил выхваченный из кармана револьвер.

— Совершенно верно, мадам, — жизнерадостно согласился мистер Крук. — Если все мы попадем в Царство Небесное, приятно сознавать, что я ближе к нему и окажусь там первым.

Одной из отличительных черт Крука являлась его способность оказываться в нужном месте раньше других, что не вызывало добрых чувств у полиции, которой, естественно, не нравится, когда ее мнение опровергают, тем более какой-то дилетант.

Отношения мистера Крука с обитательницей подвала оставались такими же, пока загадочное происшествие с тушкой Чайного Колпака не заставило жильцов общаться немного ближе.

Чайный Колпак, как прозвал его Крук, появился в доме в начале 1941 года. Ходили разговоры, что его прежнее жилище разбомбили, отчего мисс Фицпатрик возмущенно заявила, что он Джоуна, намекая этим на Иону, предвестника несчастий. Однако ни у кого из услышавших это, даже у Крука, не хватило духу возразить старухе. Новый жилец оказался еще более загадочной личностью, чем обитательница подвала. В первые месяцы Крук видел его изредка и ни разу с ним не разговаривал. Своей внешностью тот напоминал вопросительный знак с ореолом наверху: высокий, тощий и сутулый, всегда в большой широкополой черной фетровой шляпе, с неизменной стопкой разномастных бумаг под мышкой. У соседа была какая-то странная походка, наводившая окружающих на мысли, а не под хмельком ли он. Судя по количеству книг, привезенных им с собой, Чайный Колпак был ученой натурой. Крук пару раз встречался с ним утром на лестнице, когда выходил из дома, а старый книгочей направлялся в Британский музей, где, по-видимому, проводил весь день. Обычно Крук понимал, что тот вернулся, когда, возвращаясь вечером домой, видел неяркий синеватый свет в маленьком окне над входной дверью. Крук считал соседа безобидным и дружелюбным сумасшедшим, для которого Британский музей является неким преддверием рая, и заключил, что он едва ли может быть полезен честолюбивому человеку.

В чем на этот раз проницательный адвокат оказался совершенно не прав.

II

Однажды апрельским вечером случилось так, что Крук вернулся домой раньше обычного, примерно в восемь вечера. Неторопливо поднимаясь по лестнице, он заметил синеватый свет над дверью квартиры номер 3 и решил, что его сосед возвратился, как обычно. Проходя по изгибу лестницы на этаж выше, он внезапно остановился. Впереди из непроглядной темноты (рачительный владелец дома

закрасил окна, сочтя, что это дешевле и надежнее, чем вешать светомаскировку) слышались странные звуки. Крук стало совершенно ясно, что кто-то неопытный пытается вломиться в его квартиру. Его острый слух уловил позвякивание неуклюже используемого инструмента. Явно развеселившись, он прислонился к стене и стал ждать дальнейшего развития событий.

— Я не из тех, кто портит веселье, — пробормотал он, — и если что-то должно произойти, то не надо это топтать.

Крука еще больше заинтриговал тот факт, что взломщик-дилетант или не расслышал его язвительного замечания, или же ждал, пока вновь прибывший поднимется этажом выше.

«Когда сомневаешься, жди ловушки», — напомнил себе Крук и подождал еще немного. В работе, самодовольно подумал он, главное — терпение.

Через две-три минуты невидимый взломщик со вздохом отступил от двери.

— Не открывается, — объявил он.

Словно актер, вступающий со своей репликой, Крук шагнул вперед.

— Возможно, я смогу помочь, — живо предложил он. — У меня есть ключ.

Призрак чуть повернулся на звук раздавшегося голоса. Никто из них не включил фонарь. Крук потому, что, как человек бывалый, неплохо видел в темноте, а взломщик оттого, что фонаря у него не было.

— Как любезно с вашей стороны, — отозвался тонкий старческий голос. — Мой отчего-то совсем не подходит.

«Вот это да! — подумал Крук. — Это же старикан с нижнего этажа».

Открыв дверь и распахнув ее широким жестом, он гостеприимно пригласил гостя в свое жилище, словно в Букингемский дворец. В неярком синеватом сиянии виднелся длинный коридор с неизменной вешалкой для шляп и потертым ковром. В нем не было ничего поразительного и уж тем более импозантного, однако то, что увидел ста-

рик, похоже, привело его в благоговейный ужас, граничащий с восторгом. Он походил, подумал Крук, на благородную, но смущенную хищную птицу, которых в цивилизованном обществе держат в клетках и берут с просвещенных персон по шиллингу за показ. У него были седые длинные волосы, лицо, обтянутое сухой кожей, высокий лоб, крючковатый нос, узкие строго сжатые губы. На старике по-прежнему красовалась широкополая черная шляпа в дополнение к очень длинному, изрядно поношенному пальто старомодного покроя, доходившему ему почти до лодыжек. И хотя соседа, казалось, охватило приятное удивление, в словах его не слышалось ни малейшей нотки смущения.

— Чрезвычайно любезно с вашей стороны, — трогательно поблагодарил он. — Вообразить себе не могу, почему мой ключ скрежетал в замке.

— Я вставил паркинсоновский замок, — весело ответил ему Крук. — Любой дилетант вскрыл бы тот, что установил наш хозяин. Наверное, от этого у вас и возникли трудности. Боюсь, что вы могли подхватить простуду, стоя на лестнице.

Пожилой господин, похоже, не слышал его. Весьма уверенно он протопал за хозяином в комнату, которую Крук называл гостиной. В этом квадратной формы помещении было не убрано, неуютно, повсюду громоздились книги, газеты и жесткие стулья. На окнах висели выцветшие занавески.

— Чувствуйте себя как дома, — пригласил он.

Если прихожая и коридор явно поразили старика, то вид этой комнаты дополнил ощущение чуда. Он стоял на пороге, глаза на непрезентабельную мебель. Двое мужчин представляли собой такой контраст, который и вообразить-то нелегко. Крук был в деловом костюме, в свободного покроя пиджаке и светло-коричневых брюках, которые ему очень нравились, а утонченные натуры сочли бы вульгарными. Коричневый котелок был почти надвинут на его крупный, резко очерченный нос, скрывая густые рыжие брови. Коричневые ботинки подошли бы скорее ка-

кому-нибудь гангстеру. Быстро подойдя к буфету, Крук достал две бутылки пива, но, повернувшись, чтобы предложить одну из них старику, обратил внимание на выражение его лица, — изумление сменилось полным восторгом, казалось, сосед вот-вот снизойдет до блаженного откровения. Старик просто не верил своему счастью.

— Великолепно, — с придыханием прошептал он. — Никогда бы в такое не поверил. И все же имеется неопровержимое доказательство. — Старик робко коснулся рукой книжного шкафа. — Совершенно прочный. Я обязательно должен написать об этом в журнал. Полагаю, существует лишь один подобный артефакт, но он официально не подтвержден.

— Так вы будете или нет? — терпеливо спросил Крук, держа в руках бутылки с пивом.

Старик наклонился, чтобы прочесть названия книг на ближайшей полке. Он украдкой протянул руку и вытащил одну из них. Там не было ничего, что могло бы заинтересовать ученого, но пожилой книгочей, казалось, совершенно увлекся.

— «Кровь на ступенях эшафота», — прочел он вслух и перевернул титульный лист. — Одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года издания. — Он вопросительно посмотрел на Крука.

Крук улыбнулся, как ему показалось, ободряющей улыбкой. Билл Парсонс как-то сказал, что в прошлой жизни Крук, скорее всего, был крокодилом.

— Совершенно верно, — добродушно ответил он. — Год майского кризиса. Потому-то я ее и купил. Чтобы отвлечься.

— Год майского кризиса, — повторил его гость. — И... как же давно это было?

— В арифметике вы не очень сильны? — все так же добродушно предположил Крук. — Скажем, два с половиной года назад.

Старик тотчас же изменился в лице. Восторг начинал уступать место растерянности.

— Значит, сейчас по-прежнему сорок первый год.

— Спуститесь с небес на землю, — сказал Крук. — А какой же, по-вашему, еще?

К этому моменту он уже нисколько не сомневался в том, что его гость сумасшедший, но не испытывал желания по этой причине избавляться от него. Крук знал, что у сумасшедших своя логика, а само безумие — в конечном итоге понятие относительное. Он решил выяснить причину присутствия здесь этого старикана и понять, что тот пытался передать своими высказываниями. Гость положил книгу и поднял голову с раздосадованным и озабоченным выражением на лице.

— Я просто не понимаю, — признался он. — На какое-то мгновение я поверил... и понадеялся... что могу являться привилегированным наблюдателем некоего эксперимента во времени. Но вот вы, сэр, что вы думаете по этому вопросу?

Крук моментально почувствовал себя в знакомой обстановке.

— На самом деле я никогда таких опытов не ставил, но знающие люди говорили мне, что дело тут в образовании. На входе вы можете вообще ничего не знать, но ко времени выхода есть лишь малая доля того, чему вы не смогли научиться. Не то чтобы все мои клиенты сидят, — торопливо добавил он. — Я лишь защищаю невиновных. Вот за это мне и платят, понимаете?

Его гость напоминал ребенка, которого внезапно предоставили самому себе на ярмарке игрушек. Он внимательно разглядывал одну вещь за другой. Все время, пока Крук говорил, его взгляд блуждал по комнате. Тем не менее он услышал сказанное, и когда Крук умолк, спросил:

— То есть... вы считаете, что не способны ошибаться? Интересно, очень интересно. Это, разумеется, во всей полноте поднимает вопрос о силе мысли, который, в свою очередь, неизбежно связан с моей теорией времени.

Он умолк, чтобы перевести дух, и Крук воспользовался этим, чтобы заявить:

— Не нужно всех этих штучек. Человеку всего-то и требуется, что совершать меньше ошибок и проявлять меньше доверчивости, чем сидящий в будке старикан.

У его гостя на мгновение отвисла челюсть, прежде чем он понял, что Крук имел в виду ведущего дело судью.

— Могу я вам сейчас оказать какую-нибудь небольшую любезность, так, по-дружески? — поинтересовался мистер Крук, блестя глазами, как канарейка. — Да не стесняйтесь, вам же так хотелось сюда попасть.

— А это столь странно в этот час? — возразил старик. — Естественно, я не предполагал здесь вашего присутствия и надеюсь, что вам не доставит неудобства тот факт, что в это мгновение, которое, возможно, не обязательно совпадает с вашим, я являюсь арендатором этого помещения.

Замысловатые ожидания и надежды Крука рухнули наземь столь внезапно, что он не удивился бы, если бы услышал грохот.

— Я вас понимаю, — разочарованно произнес он. — Вы считаете, что это ваша квартира, не так ли? Так вот, она не ваша. Она моя, Артура Крука — надежды преступников и кошмара судей.

— Ваша квартира? — От охватившего смятения лицо старика приняло совершенно нелепое выражение. — В таком случае, а где же моя?

— Там же, где и была, когда я проходил мимо нее пять минут назад и подумал, что вы у себя. Черт подери, однако это странно. Когда вы были там в последний раз, мистер...

— Моя фамилия Керси. Теодор Керси. — Он порылся в кармане и достал потрепанную визитную карточку.

— Мистер Т. Керси, — прочел вслух Крук и широко улыбнулся. — Бьюсь об заклад, что в школе вас звали Чайным Колпаком.

Мистер Керси немного смутился.

— Вообще-то да. Однако должен признаться, что я так и не смог уловить связи. Даже в детстве никто не был способен выявить какое-либо сходство между мной и этим весьма полезным, но объемным предметом домашнего обихода.

Он со вздохом оглядел свою худую фигуру.